

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 167/168 => 001.378.1: 061.6

АДАПТАЦИЯ НАУКИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СТРАТЕГИИ И ОЦЕНКИ НАУЧНЫМ СООБЩЕСТВОМ (1990-е – первая половина 2000-х гг.)

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ablazhey63@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена драматичному периоду в истории российской науки, связанному с переходом к постсоветскому этапу ее существования. Эмпирической базой проведенного анализа стали два вида источников. Первый – официальные материалы (выступления руководителей Сибирского отделения РАН, концепции и программы развития, отчеты о деятельности Отделения). Такого рода материалы представляют основные тренды разработки официальной стратегии Отделения для работы в новых условиях. Второй – результаты массовых социологических исследований, проведенных среди научных сотрудников Новосибирского научного центра в 1996 и 2004 гг., которые позволили выявить динамику адаптационных процессов на личностном, повседневном, рутинном уровне. Сделан вывод, что: несмотря на относительную стабилизацию, в том числе рост финансирования и закрепление численности исследователей, говорить об успешной адаптации науки к рынку не приходится, академическая наука в лице руководства СО РАН и «рядовых» исследователей по-прежнему рассчитывала в первую очередь на государственную поддержку. В подобных условиях радикальное реформирование способов управления академической наукой, прежде всего ее имущественным комплексом, становилось лишь вопросом времени.

Ключевые слова: постсоветский период, академическая наука, Сибирское отделение, адаптация, стратегия, условия деятельности, источники финансирования.

Для цитирования: Аблажей, А. М. (2023). Адаптация науки к новым условиям деятельности: стратегии и оценки научным сообществом (1990-е – первая половина 2000-х гг.). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С.90-103. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.90-103

ADAPTATION OF SCIENCE TO NEW CONDITIONS OF ACTIVITY: STRATEGIES AND ASSESSMENTS BY THE SCIENTIFIC COMMUNITY (1990s – first half of 2000s)

A. M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ablazhey63@gmail.com

Abstract. The article describes the dramatic period in the history of Russian science associated with the transition to the post-Soviet period of its existence. There are two types of sources as the empirical basis of the analysis. The first is official materials (speeches by the leaders of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, concepts and development programs, reports on the activities of the Branch). Such materials describe the main trends in the development of the official strategy of the Branch for work in the new conditions. The second

is the results of mass sociological studies conducted among researchers of the Novosibirsk Scientific Center in 1996 and 2004, which made it possible to identify the dynamics of adaptation processes at the personal, everyday, routine level. We conclude that despite the relative stabilization, including the growth of funding and the consolidation of the number of researchers, academic science still relied primarily on state support, it was not possible to build a market-oriented science. Under such conditions, a radical reform of the methods of managing academic science, primarily its property complex, became only a matter of time.

Keywords: post-Soviet period, academic science, Siberian branch, adaptation, strategy, operating conditions, funding sources.

For citation: Ablazhey, A. M. (2023). Adaptation of science to new conditions of activity: strategies and assessments by the scientific community (1990s – first half of 2000s). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 3. pp. 90-103. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.90-103

Введение. Дискуссии о том, как должна была измениться (и произошли ли эти изменения на деле) отечественная наука за три постсоветских десятилетия, удалось ли создать на месте советской системы организации научной деятельности рыночно ориентированную науку, и если да, то в чем ее особенности и противоречия, идут с самого начала рыночных реформ. Рассматривая науку с точки зрения ее роли в преобразовании страны, прежде всего в технологическом отношении, государство одновременно (но с годами все менее настойчиво) подчеркивало ее культурную роль, зависимость от состояния науки сферы образования и пр. С точки зрения исследователей, важнейшую роль здесь сыграл период с начала 1990-х и до середины 2000-х гг., в течение которого в основном и происходила вынужденная, окрашенная в драматические тона адаптация всей системы научной деятельности к резко изменившимся внешним условиям. По мнению Е. З. Мирской, изучавшей процессы адаптации в науке на примере элитных столичных НИИ в тот же самый период (конце 1990-х – начале 2000-х гг.), состояние науки в это время вызывало растущее беспокойство, поскольку «изменение в научном сообществе, безусловно, несводимо к спонтанному ухудшению морального облика ученых. В основном это изменение определяется неизбежными последствиями кризиса и безмерно затянувшегося переходного периода, сломавшего старые и не создавшего новые механизмы социального функционирования науки» [Мирская, 2003, с. 217].

Постановка задач. В данной статье на основе официальной информации (в первую очередь материалов общих собраний СО РАН 1990 – первой половины 2000-х гг.) и результатов социологического мониторинга академической науки в Сибири, а также исследовательской литературы, сделана попытка оценить масштабы изменений, произошедших в системе организации науки в наиболее сложный период ее новейшей истории, чаще всего обозначаемый как «шоковая терапия» науки. Основной исследовательский вопрос, ответу на который посвящена статья, можно сформулировать следующим образом: соответствовала ли политика, проводимая Президиумом СО РАН, реальным задачам, стоявшим в тот момент перед отечественной наукой, и имеем ли мы право говорить об *успешной* адаптации как науки в целом, так и отдельного научного сотрудника, к резко изменившимся условиям деятельности. Подобная постановка вопроса

актуальна также с точки зрения проблем, стоящих перед российской наукой сегодня, поскольку именно в переходный период закладывались те основы, на которых научный комплекс функционирует в наши дни.

Методика проведения исследования. В ходе сравнительного социологического анализа использованы, прежде всего, материалы двух массовых опросов научных сотрудников институтов Новосибирского научного центра, проведенных в 1996 и 2004 гг. Сравнивая результаты, полученные с разницей в восемь лет, появилась возможность оценить динамику произошедших изменений (а заодно зафиксировать сам факт такого рода изменений) глазами массового «человека науки», который рассматривает происходящие события с точки зрения научной и личной судьбы.

Описание результатов. Выступая в октябре 1996 г. на Общем собрании СО РАН, его председатель академик В. А. Коптюг обозначил базовые пункты назревших изменений и возможные способы улучшения ситуации. Основные трудности, переживаемые наукой в тот период, были, по его мнению, связаны с необходимостью решения ряда очень непростых задач. Среди них:

1) продолжение начатой структурной реорганизации и демократизации жизни Академии и ее Сибирского отделения. Здесь имели место две противоположные тенденции: с одной стороны, «стремление структурных единиц научного сообщества к большей самостоятельности и даже полной независимости»; с другой – определенное опасение, что вычленение из общей системы может привести к потере части того финансирования, которое удается получать в рамках централизованных усилий Отделения;

2) сохранение единства научного сообщества в условиях действия совокупности центробежных сил, связанных, в том числе, с развитием в стране рыночных отношений, и втягиванием в них академического научного сообщества;

3) сохранение материальной базы и основного кадрового потенциала Академии;

4) поиск путей восполнения расширяющихся финансовых брешей, связанных с сокращением бюджетного финансирования академической науки.

По мнению председателя Отделения, начиная с 1990–1991 гг. на состояние науки существенное влияние стало оказывать небывалое падение социального престижа научной карьеры, в первую очередь среди молодежи, обусловленное изменением в обществе системы ценностей. Проводимые замеры общественного мнения свидетельствовали, что наука действительно переживает серьезный кризис во взаимоотношениях с обществом (даже в 2006 г., когда самый сложный период в истории российской науки был уже позади и наступила известная стабилизация, лишь 1 % участников всероссийского опроса общественного мнения назвал науку престижным направлением карьеры, в отличие от работы в нефтяной отрасли или в политике). Кризис усугубляли резкое сокращение финансирования науки, нарастание трудностей с оборудованием и информационным обеспечением научной деятельности. По оценкам Президиума, с 1989 по 1995 гг. базовое бюджетное финансирование Сибирского отделения РАН сократилось в сопоставимых ценах в 7 раз. Одновременно с этим «резко сократились объемы хоздоговорных работ с промышленностью». Аналогичные процессы происходили и в кадровой сфере:

за 1991-1996 гг. численность Отделения уменьшилась на 28 % [Коптюг, 1996а, с. 13, 21]. Именно эти обстоятельства обусловили необходимость существенной корректировки кадровой политики в Отделении, направленной на сохранение сложившихся в СО РАН сильных научных школ, оказание в рамках имеющихся возможностей поддержки научной молодежи и создание условий для профессионального роста научных сотрудников.

Численность Сибирского отделения РАН непрерывно сокращалась как в связи с обвальным падением объемов финансирования, так и переходом части сотрудников на работу в административные, банковские и предпринимательские структуры, а также отъездом на работу за рубеж. В то же время Отделению, по оценке В. А. Коптюга, удалось в значительной степени восполнить понесенные потери, в первую очередь благодаря «имеющемуся резерву квалифицированных молодых сотрудников, широкой сети подготовки научных кадров, сложившейся системе взаимодействия учреждений Отделения с высшей школой». Особо отмечался тот факт, что, несмотря на общую тенденцию в стране по сокращению количества защит диссертаций, число защит докторских и кандидатских диссертаций в Отделении оставалось достаточно высоким при относительно устойчивом среднем возрасте защищающихся. Значительно увеличился также прием в аспирантуру, стабилизировался прием на работу выпускников вузов и лиц, стажировавшихся в учреждениях Отделения.

В силу того, что для Российской академии наук в целом, и особенно для территориально обособленных научных центров региональных отделений, вопрос о быстро идущем старении ведущих научных кадров являлся очень болезненным, решению данной проблемы было посвящено несколько важных документов, оформивших систему централизованной поддержки профессионального роста научных сотрудников, молодых ученых и дополнительного привлечения в научную сферу молодежи. Среди них постановления Президиума СО РАН от 21 августа 1992 г. «О кадровой политике среди молодежи и системе поддержки молодых ученых и специалистов в СО РАН», от 15 марта 1993 г. «Об учреждении премий имени выдающихся ученых СО РАН», а также от 27 июня 1995 г. «О порядке предоставления молодым ученым ННЦ СО РАН и привлекаемым из других регионов специалистам жилых помещений по договору аренды» [Коптюг, 1996б].

Документом, обобщившим опыт адаптации Отделения к новым условиям деятельности и задавшим основные тренды его развития на последующие годы, стала принятая на Общем собрании СО РАН в марте 1998 г. «Концепция адаптации и реформирования СО РАН и меры по ее реализации». Многие положения Концепции повторяют положения из доклада В. А. Коптюга, приведенные выше. Выделим главные моменты. Прежде всего, четко было заявлено, что реформирование сибирской академической науки носит *вынужденный* характер, происходит болезненная адаптация академического комплекса к резко изменившимся в худшую сторону условиям деятельности. Среди них основные: существенное сокращение бюджетного финансирования, переход экономики на рыночные принципы, неизбежное разрушение целых отраслей промышленности и, как следствие, резкое сокращение промышленных и оборонных заказов. Особое беспокойство вызывал отток молодежи из научной сферы.

В то же время Концепция выделяла преимущества Сибирского отделения, которые следовало использовать в ходе адаптации, а именно – мультидисциплинарность (этот тезис основывался на представлении о том, что современная наука становится все более мультидисциплинарной и знаковые открытия и технологии возможны лишь при условии синтеза различных дисциплин), тесная связь с вузами (это касалось не только Новосибирского университета, но целого ряда других сибирских вузов, имевших многолетний опыт сотрудничества с научными центрами СО РАН – университетами Томска, Красноярска, Иркутска, Омска). Выделялась также важная роль международного сотрудничества.

Концепция определяла также основные направления реформирования. Как показала дальнейшая история Отделения, они во многом оказались востребованы. Президиум Отделения исходил из того, что в среднесрочной перспективе развитие академической науки будет определяться набором направлений, сформированных по результатам анализа опыта развития в самые тяжелые для науки годы.

1. Реструктуризация сети научных учреждений и их последующая аккредитация. К 2005 г. численность научных организаций Отделения сократилась в результате реструктуризации со 122 до 85 учреждений. Одновременно резко сократилось и число работающих в СО РАН как научных сотрудников, так и вспомогательного персонала – инженеров, техников, рабочих. Проведенные социологами Института философии и права в начале 2000-х гг. исследования в научных центрах Сибири показали, что именно сокращение последних вызывало растущее беспокойство участников опросов.

2. Поддержка интеграционных процессов в науке, прежде всего путем организации в рамках СО РАН конкурса интеграционных и междисциплинарных проектов. Обосновывалась также необходимость «гуманизации» фундаментальных исследований.

3. Развитие технопарков, как новой формы сотрудничества науки и реальной экономики, с целью более эффективного использования накопленного фундаментального и прикладного знания, кадровых ресурсов, предпринимательских навыков. Весомой предпосылкой здесь стало бурное развитие в институтах Академгородка малого наукоемкого бизнеса.

4. Поддержание и обновление приборной базы, материально-технических аспектов научной деятельности в целом. Поиск путей максимально эффективного использования имущественного и земельного комплекса для поддержки исследований.

5. Различные способы привлечения и закрепления молодежи в науке. Для этого предлагалось увеличить число аспирантов, сформировать систему «проточной аспирантуры», строить жилье для молодых, в том числе ведомственное, и т. д.

6. Развитие международного сотрудничества в различных формах (международные научные центры, двуязычные журналы, стажировки и рабочие поездки, создание совместных предприятий, патентная и лицензионная деятельность).

Таким образом, основная идея вновь сводилась к треугольнику. Но если знаменитый «треугольник Лаврентьева» расшифровывался как «наука – внедрение – кадры», в новых условиях он был модернизирован до следующих составляющих: бюджетная поддержка приоритетов фундаментальной науки, в том числе посредством интеграционных, междисциплинарных и заказных проектов, – развитие технопарков (самые крупные из них

сформировались в новосибирском Академгородке и Томске) – сбалансированное международное сотрудничество, ведущей организационной формой которого стали международные научные центры [Концепция ..., 1998].

Что касается оценок деятельности руководства Отделения, в том числе разработанной программы развития, то среди научной общественности Академгородка к середине 1990-х гг. сформировалось два полярных мнения о роли и функциях Президиума Сибирского отделения РАН в новых условиях функционирования науки. По мнению А. А. Гордиенко и Ю. М. Плюснина, бо́льшая часть опрошенных весной 1995 г. научных сотрудников НИИ ННЦ, выступали за сохранение СО РАН как единой централизованной структуры, рассматривая его как «крупный остров устойчивости в нестабильном мире» [Гордиенко, Плюснин, 1995, с. 32]. При этом не исключались, а даже приветствовались изменения эволюционного характера, призванные, с одной стороны, устранить факторы, снижающие устойчивость и надежность структуры Отделения и, с другой стороны, попытаться сохранить в максимальном объеме внутриорганизационные взаимодействия, которые обеспечивали «феномен Академгородка» [Там же]. Другая часть, примерно треть респондентов, напротив, выразила уверенность в том, что Сибирское отделение как форма организации науки «устарела, нежизнеспособна и в ближайшей или отдаленной перспективе погибнет» [Там же, с. 32-33]. Главным аргументом для подобной оценки послужил резко изменившийся порядок финансирования исследований: значительная его доля теперь приходила непосредственно в институты или отдельным исследователям. Президиум Отделения, как считал ряд ученых, никак в этом не участвовал.

Сравнительный анализ результатов массовых опросов научных сотрудников Новосибирского научного центра (ННЦ), проведенных в 1996 и, спустя восемь лет, в 2004 г., показывает, что с течением времени объединяющая роль Президиума СО РАН стала оцениваться более высоко, степень доверия к политике, проводимой Президиумом, росла, но отнюдь не быстрыми темпами (табл. 1).

Доля исследователей, которые дали его деятельности высшую оценку (занимает «верную позицию»), выросла с 5,8 до 13 %. При этом существенно упала и доля тех, кто, напротив, крайне негативно оценил деятельность Президиума. Если в 1996 г. ответ «Фактически отстранился от решения вопросов сохранения и приспособления СО РАН к новым реалиям» дали без малого 23 % отвечающих, то в 2004 г. – менее 10 %. Что касается других вариантов ответа, то они изменились в гораздо меньшей степени. Так, доля согласных с ответом «Слабый учет новых реалий» пусть и выросла, но совсем немного, с 10 до 11 %. Самую большую долю, как и восемь лет назад, составили те, кто выбрал средний вариант – «Президиум предпринимает все возможные усилия, но все решается на уровне государственной политики» (52,8 % ответивших). Меньше всего ответов в 2004 г. набрал вариант ответа «Предпринимает все возможные усилия, но все решается на уровне институтов» – лишь 7 % ответивших (в 1996 г. было около 9 %). Таким образом, с годами в научном сообществе все сильнее утверждалось представление о том, что в области науки, в первую очередь фундаментальной, главную роль по-прежнему играет государство и все усилия перевести науку на коммерческие рельсы и усилить роль рыночных механизмов в ее функционировании, как минимум сравнимой с прямой государственной поддержкой, не удалось. Ряд наиболее успешных учреждений Отделения, таких как ИЯФ или Институт катализа, сумели занять свою долю на рынке наукоемкой продукции, и доля рыночных

продаж в их совокупном бюджете могла доходить до 50 %, но большинство институтов жили, так или иначе, за государственные деньги. При этом, правда, все бо́льшая их часть распределялась на конкурсной основе, через те же гранты.

Таблица 1

Роль Президиума СО РАН в сохранении и развитии научного сообщества ННЦ

№	Варианты ответов	1996 г. в %	2004 г. в %
1.	Занимает верную позицию и делает все возможное для сохранения и приспособления ННЦ к новым реалиям	5,8	13,0
2.	Фактически отстранился от решения вопросов сохранения и приспособления ННЦ к новым реалиям, каждый институт вынужден выживать в одиночку	22,8	9,6
3.	Слабо учитывает новые реалии и проводит политику, объективно ведущую к окончательному кризису ННЦ и его институтов	10,1	11,1
4.	Прилагает все усилия к тому, чтобы сохранить и перестроить ННЦ, но от него мало что зависит, судьба науки решается усилиями самих институтов	8,8	7,1
5.	Прилагает все усилия к тому, чтобы сохранить и перестроить ННЦ, но от него мало что зависит, судьба науки решается в рамках государственной политики	47,3	52,8
6.	Другое	4,9	6,4

Радикальным образом изменились подходы к оценке эффективности деятельности как институтов, секторов и лабораторий, так и отдельных исследователей. Начиная с 1994 г. вводилась система рейтингов, где учитывались следующие критерии: количество печатных работ в рецензируемых изданиях, индекс цитируемости ученого, объем внебюджетного финансирования, наличие патентов, число полученных грантов, доля молодых научных сотрудников, число аспирантов, защитивших диссертации [Колесова, 2007, с. 390]. По мнению руководства Отделения, выбранные критерии позволяли получить развернутое представление об «эффективности деятельности институтов в различных сферах: активности и уровне работы в области фундаментальных исследований, в прикладной сфере, уровне внешнего российского и международного авторитета, активности и способности зарабатывать деньги, а также заботе о будущем». [Цит. по: Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк, 2007, с. 390-391]. Особо стоит отметить то обстоятельство, что в деле разработки рейтинговой системы оценки и соответствующих показателей Сибирское отделение АН выступило пионером: в системе Академии наук в целом подобная система заработала лишь через несколько лет – в начале 2000-х гг.

Радикальной трансформации подверглась также система планирования и отчетности при проведении научно-исследовательских работ, в рамках которой постепенно вводились программно-целевые методы. В течение нескольких лет они отработывались на примере интеграционных проектов, получивших широкое распространение в СО РАН начиная

с 1997 г. Они делились на междисциплинарные, предусматривавшие участие как минимум двух институтов, и т. н. «заказные», когда Президиум Отделения своим решением поддерживал наиболее прорывные и перспективные, с его точки зрения, проекты. С 2004 г. программно-целевые методы стали обязательными и для базовых бюджетных тем в институтах. Их формирование проходило по ставшей уже привычной для многих «грантовой» схеме (тема, заявка, ее обсуждение и утверждение, 3-летний период реализации с соответствующим финансированием, ежегодная и итоговая отчетность), но в рамках утвержденных тем же Президиумом приоритетных направлений и перечня программ по отраслям наук [Колесова, 2007, с. 391].

Сравнивая оценку исследователями общего состояния науки в стране, следует иметь в виду, что здесь мы, как правило, имеем дело с личной оценкой, своеобразной проекцией персональной научной карьеры на состояние науки в целом. Результаты проведенных исследований показывают, что за 8 лет подобные оценки стали заметно оптимистичнее, хотя доля респондентов, которые считали состояние науки «нормальным», увеличилась незначительно (табл.2).

Таблица 2

Оценка общего состояния науки в НИЦ

№	Варианты ответов	1996 г. в %	2004 г. в %
1.	Нормальное, хорошее	0,2	4,1
2.	Нестабильное, с неясными перспективами	40,0	38,3
3.	Тяжелое, но с положительными тенденциями	10,2	25,2
4.	Тяжелое и без положительных тенденций	26,5	19,0
5.	Критическое	22,4	11,0

Если в 1996 г., в разгар кризиса советской модели организации научной деятельности, таких людей просто не было, то к 2004 г. их число выросло лишь до 4,1 %. При этом заметно снизилось число откровенных пессимистов, которые расценивали положение науки как «критическое», с 22,4 до 11 %. Аналогичный тренд характерен и для варианта «состояние науки тяжелое и без положительных тенденций» – число респондентов, согласных с такой оценкой, упало с 26,5 до 19 %. Число осторожных оптимистов, которые видели свет в конце тоннеля, выбрав вариант «состояние науки тяжелое, но с положительными тенденциями», напротив, заметно выросло: если в 1996 г. с этим согласились лишь чуть более 10 % респондентов, то в 2004 – более 25 %. Примечательно, что практически не изменилась доля тех, кто ушел от определенного ответа, выбрав вариант «состояние нестабильное» – с 40 % в 1996 до 38,3 % в 2004 г.

По нашему мнению, приведенные цифры свидетельствуют в первую очередь о том, что адаптация науки к резко изменившимся условиям деятельности и запросам общества происходила достаточно медленно. И дело здесь не только в отсутствии необходимого оборудования или средств на экспедиционные исследования, но в осознании радикальной смены места науки в иерархии одобряемых обществом видов деятельности. Того, что называется престижем науки.

Сравнительный анализ одного из ключевых вопросов «Каковы основные негативные тенденции, проявляющиеся в ННЦ», показал, что в целом удельный вес того или иного показателя практически не изменился. Как и в 1996 г., спустя восемь лет ученые расценивали материальную необеспеченность в качестве фактора, оказывающего наиболее негативное влияние на состояние научной сферы в Академгородке. Остальные предложенные для оценки факторы, такие как уход сотрудников в другие сферы деятельности, утечка умов, отсутствие должного притока молодых специалистов, также важны, но в менее существенной степени. Единственный фактор, влияние которого выросло – падение престижа науки. Если в 1996 г. он стоял на третьем месте, уступая вторую позицию фактору «нет притока молодых», то к 2004 переместился на вторую позицию. Ученые склонны были оценивать себя и коллег по цеху в качестве социальных аутсайдеров. Определение профессиональной группы исследователей в качестве «умных, но бедных» [Юревич, 1998] заняло устойчивое место в массовом сознании россиян.

Отметим тот весьма примечательный феномен, что спустя десятилетие, по мнению того же А. Юревича, ситуация изменилась – значимость и роль науки в российском обществе стала оцениваться более позитивно. В то же время государственные структуры продолжали весьма скептически относиться к науке, прежде всего к ее «штабу» – Академии наук: «Налицо тот факт, что в общественном мнении отечественная фундаментальная наука и, в частности, Российская академия наук, выглядят лучше, чем в представлении реформаторов» [Юревич, Цапенко, 2010, с. 314].

Ярким показателем того, что наука постепенно адаптировалась к изменившимся условиям деятельности, стала оценка респондентами изменений, произошедших в структуре финансирования подразделений, в которых они работают (научной группе, лаборатории или секторе) (табл. 3).

Таблица 3

Источники финансирования подразделения

№	Источники:	1996 г. в %	2004 г. в %
1.	Государственный бюджет	91,5	65,4
2.	Договорные темы	40,2	10,4
3.	Отечественные гранты	12,8	12,8
4.	Зарубежные гранты	27,9	5,8
5.	Продажа интеллектуальной продукции на рынке	9,3	3,2

Самые заметные изменения коснулись доли зарубежных и отечественных грантов: если в 1996 г. средства, полученные от зарубежных научных и благотворительных фондов, занимали устойчивое третье место в списке основных источников финансирования, то к 2004 г. опустились на четвертую позицию. Доля отечественных грантов, напротив, сильно выросла: если в 1996 г. они стояли на четвертой позиции, то к 2004 г. поднялись на второе место. Доля договорных тем, напротив, уменьшилась и переместилась на третье место (речь шла, как правило, о хозяйственных договорах с отечественными и зарубежными

партнерами), тогда как в 1996 г. они занимали устойчивое второе место. Наконец, последнюю по значимости позицию занял, как и восемь лет назад, самый «рыночно ориентированный» пункт – продажа интеллектуальной продукции на рынке.

Парадоксально, но вышеприведенные оценки находились в явном противоречии с официальной статистикой Отделения, касающейся структуры финансирования. В Отчете о деятельности Сибирского отделения РАН за 2004 г. указано, что общий объем средств по статье «Отечественные гранты» составил более 500 млн. руб., тогда как статья «Хозяйственные договоры и контракты» – более 2,5 млрд. руб., или в 5 (!) раз больше [Отчет о деятельности СО РАН в 2004 г. ..., 2004]. Вероятнее всего, объяснение нужно искать в том обстоятельстве, что во время опроса мы спрашивали ученых о структуре финансирования подразделения, тогда как в статистических отчетах речь шла об учреждениях. В таком случае, попав в общую кассу институтов, связанные с рыночными механизмами средства далее распределялись как бюджетные и именно в этом качестве оценивались респондентами.

В целом к моменту проведения в 2004 г. последнего (на данный момент) массового анкетного опроса научных сотрудников, представлявших все институты Новосибирского научного центра, а также Новосибирского госуниверситета, финансовая ситуация в Отделении приобрела четкую тенденцию к улучшению. Среднемесячная заработная плата в институтах составила более 7 тыс. руб., по сравнению с 1744 руб. в 1999 г., увеличившись за эти годы более чем в 4 раза. Отметим, что структура финансирования при этом практически не изменилась и соотношение долей средств, поступающих, соответственно, из бюджета и от реализации хозяйственных договоров (включая международные фонды и гранты), осталось прежним. Единственной статьёй, доля которой выросла, стали т. н. прочие поступления, включая средства Минобрнауки и отечественных фондов. Таким образом, доли средств, источником которых был, с одной стороны, государственный бюджет (при этом не важно, шла ли речь о прямом финансировании или конкурсном – гранты профильного министерства, РФФИ, РГНФ и РФТР) и, с другой стороны, средства, зарабатываемые на рынке (хоздоговора и пр.), практически сравнялись. Подобная структура финансирования стала носить устойчивый характер.

Таким образом, руководство Сибирского отделения, будь то Президиум СО РАН или директора большинства институтов, твердо придерживалось линии, выработанной во второй половине 1990-х гг.: выживание как Отделения в целом, так и каждого отдельного института возможно лишь при условии сохранения структурного, управленческого и финансового единства. Альтернативный путь, предполагавший создание на месте единого научного комплекса конгломерата самостоятельных научных единиц, связанных между собой лишь по мере необходимости, был отвергнут и на практике не реализовался.

Что касается оценок респондентами степени личной адаптации к новым условиям деятельности, то они к 2004 г. также изменились в лучшую сторону. Если в 1996 г. лишь 6 % опрошенных исследователей посчитали, что хорошо адаптированы, то к 2004 г. их доля выросла без малого до 20 %. Т. е. каждый пятый участник опроса посчитал, что успешно адаптировался. Ожидаемо резко, напротив, упало число тех, кто «с трудом» адаптируется в новых условиях: в 1996 г. они составили почти треть опрошенных (более 30 %), тогда как к 2004 г. их доля уменьшилась почти вдвое – до 16 %. Доля откровенных пессимистов, которые посчитали себя совершенно не приспособленными к новым условиям, которая

составляла лишь 5 % в 1996 г., стала еще меньше: такую оценку дали лишь чуть более 2 % участников. Самую большую долю, как и в 1996 г., вновь составили респонденты, которые, по сути, уклонились от определенных оценок, выбрав вариант «адаптировался средне»: было около 54 – стало почти 58 %.

Ожидаемо изменились и оценки респондентами интенсивности своего труда. Более трети – 36,2 % опрошенных в 2004 г. исследователей отметили ее нарастание и лишь чуть более 16 % – падение (табл.4).

Таблица 4

Интенсивность научного труда

№	Интенсивность	1996 г. в %	2004 г. в %
1.	Нарастает	28,5	36,2
2.	Остается на одном уровне	46,9	41,0
3.	Падает	20,7	16,2

Большинство, как и восемь лет назад, высказались менее категорично, выбрав вариант «остается на одном уровне», хотя число подобных ответов все же заметно уменьшилось – с 47 до 41 %. По нашему мнению, подобные результаты говорят о том, что адаптация к новым условиям деятельности выражалась, в том числе, в усилении интенсивности работы – гранты и хоздоговора необходимо было отрабатывать.

Таблица 5

Источники средств к существованию

№	Источники:	1996 г. (рейтинг показателей, в сумме более 100 %)	2004 г. в %
1.	Оклад в институте	93,4 (№ 1 в рейтинге)	31,0
2.	Преподавание	27,8 (№ 3 в рейтинге)	12,5
3.	Хоздоговора, контракты с отечественными партнерами	21,7 (№ 5 в рейтинге)	7,5
4.	Контракты с зарубежными партнерами	10,5	4,9
5.	Сад, огород, ЛПХ	26,2 (№ 4 в рейтинге)	5,3
6.	Репетиторство, др. частные услуги	6,6	1,8
7.	Гранты отечественных фондов	34,9 (№2 в рейтинге)	19,0
8.	Гранты зарубежных фондов	17,3	8,6
9.	Предпринимательская, коммерческая деятельность (в широком смысле слова)	6,8	1,4
10.	Пенсии, пособия	10,3	5,2

При анализе данных, представленных в таблице 5 и отражающих оценку респондентами значимости того или иного источника дохода, обратим внимание на несколько важных моментов. Прежде всего, не изменился удельный вес трех важнейших

видов доходов: оклад в институте, гранты отечественных фондов и преподавание. Даже в самые тяжелые годы ученые зарабатывали на жизнь, занимаясь прежде всего наукой, и за восемь лет ситуация в целом не изменилась. Практически сошла «на нет» значимость предпринимательской и коммерческой деятельности, а также репетиторства. Фактически единственный показатель, удельный вес которого изменился, – гранты зарубежных фондов, они стали занимать более важное место в структуре доходов ученого.

Исследователи, которые не были согласны вести полунищенское существование в ожидании лучших времен, так или иначе пытались адаптироваться к рынку. Здесь существовало несколько путей. Они либо пускались в своеобразную преподавательскую поденщину, вычитывая огромное количество часов в вузах и ССУЗах, в первую очередь коммерческих, либо все более активно писали заявки на получение грантов, российских и зарубежных. Вспоминается разговор с одним из представителей общественных наук, обладателем докторской степени, который состоялся в самом начале 2000-х гг. Речь зашла о способах заработка для обществоведов. Мой собеседник, приведя в качестве примера своего коллегу, также доктора наук, заметил, что тот выбрал вариант «заработать преподаванием», читая курсы по философии и культурологии практически во всех коммерческих вузах города, тогда как, по мнению моего собеседника, вариант «заработать на грантах» оказался не только более эффективным, но и гораздо менее трудоемким. Кроме того, подобная стратегия личной адаптации давала возможность сохранить профессиональные исследовательские кондиции.

Выводы. Утверждение, согласно которому российская наука с начала 2000-х гг. вступила в период относительной стабилизации, недалеко от истины и в целом подтверждается целым рядом примеров. Действительно, объемы финансирования постоянно росли, возрождающаяся экономика, в том числе промышленность, уже могла сформулировать заказ на разработки и технологии, кадровый исследовательский корпус сокращался, но не столь быстрыми темпами, росло число аспирантов и т. д. В то же время, по мнению самих ученых, и это зафиксировано в результатах социологических исследований, твердой уверенности в том, что все трудности позади и наука реально возрождается, не было. К тому же адаптация шла, прежде всего, по пути поиска новых способов взаимодействия с государством, построить рыночно ориентированную науку так и не удалось. В подобных условиях радикальное реформирование способов управления академической наукой, прежде всего ее имущественным комплексом, становилось лишь вопросом времени.

Список литературы / References

Гордиенко, А. А., Плюснин, Ю. М. (1995). *Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России. Мониторинг социально-психологического состояния научных коллективов ННЦ в 1992–1995 гг.* Новосибирск.

Gordienko, A. A., Plusnin, Yu. M. (1995). *The scientific community of Akademgorodok in the period of public life in Russia transformation: socio-psychological aspect (monitoring of the socio-psychological status the scientific teams in the NSC in 1992–1995).* Novosibirsk. (In Russ.)

Колесова, О. В. (2007). *Территория науки. СО РАН: хроники к юбилею*. Новосибирск.
Kolesova, O. V. (2007). *Territory of Science: chronicle for the jubilee*. Novosibirsk. (In Russ.)

Концепция адаптации и реформирования СО РАН и меры по ее реализации (Принята на Общем собрании Сибирского отделения РАН 13 марта 1998 года). (1998). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sbras.ru/files/files/rep/rep1997/kar.html> (дата обращения: 11.08.2023).

The concept of adaptation and reform of the SB RAS and measures for its implementation (Adopted at the General Meeting of the Siberian Branch of the RAS on March 13, 1998). (1998). [Online]. Available at: <https://www.sbras.ru/files/files/rep/rep1997/kar.html> (Accessed: 11 August 2023). (In Russ.)

Коптюг, В. А. (1996а). О возможных путях реорганизации структуры академического научного сообщества. *Российская наука: состояние и проблемы развития*. Всероссийский семинар 19–21 сентября 1996 г. Новосибирск. С. 13-22.

Koptug, V. A. (1996a). On possible ways of reorganizing the structure of the academic scientific community. *Russian science: state and problems of development*. All-Russian seminar September 19–21, 1996. Novosibirsk. pp. 13-22. (In Russ.)

Коптюг, В. А. (1996б). *Об организационной работе президиума Сибирского Отделения РАН за 1991–1996 годы. Доклад председателя СО РАН академика В. Коптюга на Общем собрании Отделения 30 октября 1996 г.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sbras.ru/files/files/rep/m1996/vac-96.html> (дата обращения: 28.07.2023).

Koptug, V. A. (1996b). *On the organizational work of the Presidium of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences for 1991–1996. Report of the Chairman of the SB RAS Academician V. Koptug at the General Meeting of the Branch on October 30, 1996*. [Online]. Available at: <https://www.sbras.ru/files/files/rep/m1996/vac-96.html> (Accessed: 28 July 2023). (In Russ.)

Мирская, Е. З. (2003). Профессиональное самочувствие российских академических ученых. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. № 1. С. 211-218.

Mirskaya, E. Z. (2003). Professional well-being of Russian academic scientists. *Bulletin of the Russian state humanity found*. no. 1. pp. 211-218. (In Russ.)

Отчет о деятельности СО РАН в 2004 г. Показатели финансирования в 2004 г. (2004). [Электронный ресурс]. URL: https://www.sbras.ru/files/files/rep/rep2004/tom3/1_2.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

Report on the activities of the SB RAS in 2004. Funding indicators in 2004. (2004). [Online]. Available at: https://www.sbras.ru/files/files/rep/rep2004/tom3/1_2.pdf (Accessed: 1 August 2023). (In Russ.)

Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. (2007). Новосибирск.

The Russian Academy of Sciences. Siberian branch. Historical essay. (2007). Novosibirsk. (In Russ.)

Юревич, А. В. (1998). *Умные, но бедные: ученые в современной России.* М.

Yurevich, A. V. (1998). *Smart but poor: scientists in modern Russia.* Moscow. (In Russ.)

Юревич, А. В., Цапенко, И. П. (2010). *Наука в современном российском обществе.* М.

Yurevich, A. V., Tsapenko, I. P. (2010). *Science in the modern Russian society.* Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com, <https://orcid.org/000-0003-3693-8845>

Статья поступила в редакцию: 15.08.2023

После доработки: 08.09.2023

Принята к публикации: 15.09.2023

Ablazhey Anatoly – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com, <https://orcid.org/000-0003-3693-8845>

The paper was submitted: 15.08.2023

Received after reworking: 08.09.2023

Accepted for publication: 15.09.2023